

ВАРИАЦИИ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ ЧЕЧЕН (СЭСЭН, ЦЕЦЕН, ШЕШЕН) В ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

М. К. Ахетов¹, К. Т. Жанузакова²

¹Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова, Алматы, Казахстан

e-mail: mamayachet@mail.ru

²Казахский национальный женский педагогический университет, Алматы, Казахстан

e-mail: kuralayzhanuzak@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вариативность и проводится сравнительно-исторический анализ лексемы *чечен* (*сэсэн*, *цецен*, *шешен*), зафиксированной во многих тюркских и монгольских языках народов Евразии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью углублённого изучения процессов языковой и культурной конвергенции в тюрко-монгольском ареале, а также недостаточной разработанностью сравнительно-исторического и лингвокультурологического анализа данной лексемы в современной науке. Цель исследования заключается в выявлении историко-бытовых, сакральных и лингвокультурных особенностей данной лексемы путём сопоставления её фонетических форм и семантических значений в алтайских языках.

Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении лексемы *чечен* на широком материале тюрко-монгольских языков с привлечением лексикографических, фольклорных и этнографических источников, а также в выявлении взаимосвязи её фонетических вариантов и сакрально-семантических значений в контексте культурной традиции народов Евразии.

Методологическую основу работы составляют сравнительно-исторический, типологический и лингвокультурологический методы, а также элементы этимологического и семантического анализа. В качестве материала привлечены лексикографические источники, фольклорные тексты и этнографические данные тюрко-монгольских народов (алтайцев, тувинцев, телеутов, казахов, киргизов, башкир, уйгуров, саха (якутов), монголов и бурят).

В результате исследования установлено, что лексема *чечен* и её фонетические варианты объединяются общим семантическим ядром, связанным с представлениями об особой, наделённой сакральными качествами личности, выполняющей функции духовного посредника. Выявлены закономерности фонетической вариативности и семантической дифференциации термина в зависимости от историко-этнографических условий, хозяйственной деятельности и мировоззренческих установок различных народов.

Сделан вывод о том, что изначально лексема *чечен* имела обобщённое значение «носитель особого дара, связанный с высшими силами», которое в процессе исторического развития получило разнообразные функциональные и культурные оттенки. Полученные результаты позволяют уточнить характер культурных контактов, миграционных процессов и механизмов духовной конвергенции в тюрко-монгольском мире.

Ключевые слова: вариации, чечен, сэсэн, цецен, оратор, тюркские языки, ритуальные посредники, меткий стрелок, мэргэн

Для цитирования: Ахетов М. К., Жанузакова К. Т. Вариации и сравнительно-исторический анализ лексемы *чечен* (*сэсэн*, *цецен*, *шешен*) в тюркских и монгольских языках. *Эпосоведение*. 2026, 2(42), С. 33–51. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-2-33-51>

Original article

Variations comparative-historical analysis of the lexeme *Chechen (sesen, tsetse, shesen)* in Turkic and Mongolian languages

Mamay K. Akhetov¹, Kuralay T. Zhanuzakova²

¹M. O. Auezov Institute of Literature and Art, Almaty, Kazakhstan

e-mail: mamayachet@mail.ru

²Kazakh National Women's Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

e-mail: kuralayzhanuzak@gmail.com

Abstract. The article examines the variability and provides a comparative-historical analysis of the lexeme chechen (*sesen, tsetsen, sheshen*), attested in many Turkic and Mongolic languages of the peoples of Eurasia. The relevance of the study lies in the need for an in-depth investigation of linguistic and cultural convergence processes in the Turkic-Mongolic area, as well as in the insufficient development of comparative-historical and linguocultural analysis of this lexeme in contemporary scholarship. The aim of the study is to identify the historical, everyday, sacral, and linguocultural features of this lexeme through a comparison of its phonetic forms and semantic meanings in Altaic languages.

The novelty of the research lies in the comprehensive analysis of the lexeme chechen based on extensive material from Turkic and Mongolic languages, including lexicographic, folklore, and ethnographic sources, as well as in revealing the relationship between its phonetic variants and its sacral-semantic meanings within the cultural traditions of the peoples of Eurasia.

The methodological framework of the study is based on comparative-historical, typological, and linguocultural methods, as well as elements of etymological and semantic analysis. The material includes lexicographic sources, folklore texts, and ethnographic data of Turkic-Mongolic peoples (Altaians, Tuvans, Teleuts, Kazakhs, Kyrgyz, Bashkirs, Uyghurs, Sakha (Yakuts), Mongols, and Buryats).

The results of the study demonstrate that the lexeme chechen and its phonetic variants share a common semantic core associated with the concept of a special individual endowed with sacral qualities and performing the function of a spiritual mediator. Regular patterns of phonetic variation and semantic differentiation of the term have been identified depending on historical and ethnographic conditions, economic activities, and worldview systems of different peoples.

It is concluded that the lexeme chechen originally had a generalized meaning of “a bearer of a special gift connected with higher powers,” which, in the course of historical development, acquired various functional and cultural nuances. The results obtained contribute to a more precise understanding of cultural contacts, migration processes, and mechanisms of spiritual convergence in the Turkic-Mongolic world.

Keywords: variations, chechen, *sesen, tsetsen*, orator, Turkic languages, ritual intermediaries, skilled archer, *mergen*

For citation: Akhetov, M. K., Zhanuzakova, K. T. Variations and comparative-historical analysis of the lexeme *chechen (sesen, tsetsen, sheshen)* in Turkic and Mongolian languages. *Eposovedenie*. 2026, 2(42), C. 33–51 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-2-33-51>

Введение

Лексема *чечен* и её фонетические варианты *сэсэн, цецен, шешен* относятся к древнему пласту общеалтайской лексики, сохранившемуся преимущественно в тюркских и монгольских языках Сибири, Центральной Азии и Восточной Евразии. В этих языках данная единица выступает как многозначный культурно маркированный термин, связанный с представлениями о людях, обладающих особым даром, духовной силой, мудростью или выдающимися навыками.

В традиционной культуре алтайцев, тувинцев, телеутов, саха (якутов), бурят, монголов, а также казахов, киргизов, башкир и уйгуров рассматриваемая лексема использовалась для обозначения различных форм духовного и социального превосходства, отражая культурные и социальные представления носителей данных традиций. В ряде языков её основное значение

связано с фигурой оратора, мудреца, поэта-импровизатора, человека, владеющего «силой слова», способного выступать посредником между людьми и миром духов. В других традициях она описывает одарённого стрелка, мастера ремёсел, человека исключительных способностей, выделяющегося среди соплеменников. Таким образом, изучение этой лексемы важно не только для исторической лингвистики, но и для понимания общих культурных архетипов тюрко-монгольского мира.

Семантическое единство данных значений объясняется тем, что во всех перечисленных культурах носители таких качеств рассматривались как люди, обладающие особым внутренним даром, который связывал мир людей с высшими силами. Поэтому лексема *чечен* первоначально обозначала не просто талантливого человека, а обладателя сакрального дара, роль которого могла проявляться в разных сферах в зависимости от историко-бытовых условий конкретного народа.

Такой широкий спектр значений позволяет рассматривать данную лексему как важный показатель общих культурных архетипов тюрко-монгольского мира. Её распространённость, устойчивость фонетических вариантов и семантическая непрерывность на протяжении столетий свидетельствуют о древности понятия и о глубинных культурно-исторических связях между народами Евразийского степного пояса.

Изучение лексико-морфологических особенностей сакральных лексем *чечен*, *чэчэн*, *цецен*, *сэсэн*, *сэһэн*, *шешен*, встречающихся с незначительными фонетическими вариациями в языках многих народов Евразии, и сравнительно-исторический анализ этих лексем открывают новые перспективы в исследовании многовековых культурно-исторических связей, а также социально-экономических отношений между этими народами.

Данная лексема восходит к общим историческим этапам народов, использующих уральские и алтайские языки, и представляет собой ценнейший источник сведений об их взаимных контактах, процессах разделения, обособления и формирования как самостоятельных этносов.

Эта древняя лексическая единица, вобравшая в себя различные семантические пласты и смысловые оттенки, оказала значительное влияние на формирование многочисленных производных слов и самостоятельных понятий. Она встречается в финно-угорских, тунгусо-маньчжурских, тюркских и монгольских языках.

Несмотря на очевидные фонетические и семантические сходства, до настоящего времени по разным причинам историко-лингвистическая природа и этимологическая сущность термина *чечен* в языках многих народов оставались без должного внимания. В данной статье анализируются различные вариации и семантические значения лексемы *чечен* (*сэсэн*, *цецен*, *шешен*) в разных тюрко-монгольских и других языках.

Объектом исследования является лексема *чечен* и её фонетические и семантические вариации (*сэсэн*, *цецен*, *шешен*) в тюркских и монгольских языках. Предмет исследования – сравнительно-исторические, семантические, культурные и функциональные особенности употребления данной лексемы в различных тюркских и монгольских языках и традициях.

Цель исследования – проанализировать происхождение, развитие и вариативность лексемы *чечен* и её соответствий в тюрко-монгольском языковом ареале, а также выявить её культурно-семиотическое значение. В статье определяются исходное значение лексемы и её основные варианты в тюркских и монгольских языках, проводится сравнительно-исторический анализ фонетических и семантических вариаций *чечен*, *шешен*, *сэсэн*, *цецен*. Источниковая база исследования основана на словарях тюркских и монгольских языков, трудах по сравнительно-исторической тюркологии и монголоведению; данных этнографических и фольклорных сборников; работах исследователей, посвящённых ораторскому искусству тюркских и монгольских народов.

Варианты лексемы «чечен» в уральских и алтайских языках

Слово *чечен* издавна встречается в тюркских и монгольских языках. Можно предположить, что оно возникло в среде древних племён, занимавшихся охотой, и впоследствии, в результате

миграций различных этнических групп, перешло в другие языки, сохранив при этом отдельные черты своей первоначальной формы и значения.

Название впервые возникло в связи с деятельностью ритуальных посредников, которые регулируют духовную гармонию и взаимодействие между человеком и силами природы. Слово *чечен* встречается в составе имени одного из самых древних фольклорных персонажей алтайской мифологии – это *Дьяра*, или *Яра-Чечен*. В последующие эпохи также существовали и другие персонажи, чьи имена употреблялись с добавлением слова *чечен*. В данном случае наше внимание привлекает именно слово *чечен*, сопровождающее имя этого героя.

Опубликованная В.И. Вербицким алтайская легенда о происхождении мира начинается словами: «Когда ещё не было ни неба, ни земли, был один Ульгень» (Вербицкий, 2005: 89). Далее говорится: «Когда человек был выслан из Арунь-сюдон в знойную землю, Ульгень показал ему все травы и плоды, пригодные к употреблению, сказав: «Пробуй то, что тебе нравится». Таргын-нама, отведав различные растения, травы и плоды, нашёл, что все они питательны (Вербицкий, 2005: 97).

Вскоре люди и животные сильно размножились, а смерти ещё не знали, и если бы так продолжалось дальше, на земле стало бы тесно. Поэтому Яра-Чечень, слуга Ульгения, был послан к людям, чтобы, собрав их в одном месте, объявить им определение – яргы о конце жизни. Яра-Чечень, придя к людям, вошёл в одну избу, где было много девушек. Как только он вошёл, все засмеялись, потому что его вид был чрезвычайно смешным. Тогда Яра-Чечень, рассердившись, сказал: «Меня Ульгень послал для того, чтобы назначить всем предел жизни, а вы насмехаетесь надо мной; за это вот что будет с каждой из вас...» (Вербицкий, 2005: 98).

Таким образом, речь идёт о чрезвычайно раннем мифологическом времени, относящемся к периоду сотворения мира и человечества. Это подтверждается космогоническими формулами: «Когда ещё не было ни неба, ни земли, был один Ульгень» и «Яра-Чечень, слуга Ульгения, **был послан к людям**, чтобы, собрав их в одном месте, объявить им определение – яргы о конце жизни». Следовательно, Яра-Чечень выступает посланником Ульгения и посредником между высшими силами и миром людей. Это является одним из самых ранних свидетельств представления о посреднической функции существа, обозначаемого лексемой *чечен*, между сакральным и человеческим мирами.

Исследователь Е. Д. Турсунов в книге «Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау» отмечает духовно-ритуальную и сакральную функцию посредников у сибирских охотников (Турсунов, 1999: 37). В этой работе описана роль посредников-сказителей в традиционной культуре тюркских охотников и их связь с духовными практиками (Турсунов, 1999: 39). Слово *чечен* зафиксировано в древних тюркских и монгольских языках и, по мнению исследователей В. И. Вербицкого (Вербицкий, 2005: 98), П. А. Ойунского (Ойунский, 1962: 193), восходит к практикам охотничьих обществ, где важную роль играли ритуальные посредники между людьми и духами природы. Эти посредники в традициях Сибири и Центральной Азии обеспечивали духовную гармонию и благополучие охоты, что отражено в этнографических описаниях и фольклорных материалах.

Есть основания полагать, что слово *чечен* относится к числу тех архаичных лексем, которые восходят к периоду, когда носители уральских и алтайских языков ещё не разделились окончательно или продолжали существовать в условиях тесного языкового и культурного взаимодействия.

В современном марийском языке, относящемся к волжской группе финно-угорских языков, сохранились формы *цецен* и *чечен*. Так, слово *цецен* обозначает: 1. «частокол; изгородь из кольев и палок». 2. «палка, колышек, из которого сделан частокол» (Двинянинов, 2005: 684.). Частокол – это деревянное оборонительное или оградительное сооружение, представляющее собой плотно вбитые в землю вертикальные колья или брёвна, нередко заострённые сверху; в ряде случаев подобные конструкции использовались при загонной охоте, что позволяет связать их с охотничьим промыслом. Кроме того, в этом языке существует устойчивое выражение

«цечен пичым ыдырен кеаш», означающее «говорить быстро, тараторить, говорить слишком много», что буквально означает «черкать по частоколу» (Двинянинов, 2005: 670). Таким образом, лексема *цечен* в марийском языке отчасти сохраняет семантическую связь между представлениями об охотничьей и речевой деятельности.

Наряду с этим, в марийском языке поныне употребляется и форма *чечен*, имеющая значение «красивый, прекрасный, хороший» (Двинянинов, 2005: 684). Например, выражение *чечен кумыл* переводится как «радостное, приподнятое настроение». По звучанию слово *чечен* полностью соответствует аналогичной форме, зафиксированной в тувинском языке (Тенишев, 1968: 557).

Учёные справедливо отмечают, что у народов, занимавшихся охотой как основным промыслом, устная речевая традиция и обрядово-творческие формы развивались, взаимодополняя друг друга. Исследователи по данной теме выдвинули ряд важных научных гипотез (Турсунов, 1999: 39). «Шорцы, алтайцы и сагайцы во время промысла по вечерам в балагане рассказывают сказки, аккомпанируя при этом на кобызе. Артели, отправляющиеся на охоту, стараются взять с собой сказочника. Говорят, что в старину такому сказочнику давали даже полный пай их охотничьей добычи – исключительно за рассказывание сказок», – пишет Н. П. Дыренкова (Дыренкова, 1940: 263). Это подтверждают и другие наблюдатели и исследователи (Зеленин, 1934: 224–225).

Хакасы перед отправкой на охоту просили шамана камлать, а сказочника – рассказывать сказки. Шаман угадывал пути и дороги охотников, сказитель-мудрец рассказывал сказки с целью расположить духа-хозяина. Такой ритуал существовал у кумандинцев и тувинцев. Охотники перед выходом на промысел обращались к шаману, чтобы узнать, насколько удачной будет охота и где следует искать зверя (Потапов, 1960: 222). Охота у тувинцев была неразрывно связана с верой в существование духа тайги, к которому необходимо было обращаться за помощью в поисках добычи, получать от него благословение (Монгуш, Куулар, 2025: 59). Как правило, подготовка к охоте у тувинцев была насыщена сакральными действиями (Айыжы, Монгуш, 2020: 1365). Например, тувинцы в процессе охоты играли на музыкальных инструментах: чадагане или икили (домбре). Они верили и считали, что хозяин лесов, с увлечением слушая мелодии, выражает свое одобрение и будет посылать зверей охотникам (Калзан, 1961: 73).

Охотники-буряты считали, что без хорошего сказителя в составе артели удачная охота невозможна (Хангалов, 2004). Поэтому, чтобы охота была удачной, сказитель всю ночь распевал свою эпопею (Трояков, 1969: 30; Владимирцов, 1923: 38). Обобщая мнения исследователей, Е. Турсунов приходит к следующему выводу: «Однако чаще всего функции исполнителей этого охотничьего обряда у тюрко-монгольских народов возлагаются уже на профессионалов-сказочников, сказителей эпоса и шаманов» (Турсунов, 1999: 39).

Подобные обряды, сформировавшиеся в результате верований и представлений охотничьих общин, выполнялись искусными исполнителями, мастерски владеющими музыкой и словом. А ключевым действующим лицом этих обрядов был особый человек – *чечен*, наделённый способностью получать сведения из потустороннего мира, обладающий необычной природой и влияющий на сверхъестественные силы, мастерски владеющий устной речью и способный добиться исполнения своих желаний.

Различные варианты и смысловые оттенки сакрального слова, распространённого среди тюрко-монгольских народов, уже в середине XX в. привлекли внимание лингвистов. В изданном в 1966 г. «Кратком этимологическом словаре казахского языка» авторы подробно указали на фонетические и лексические особенности слова *чечен* в монгольских и тюркских языках: «Слова *шечан*, *сэсэн* употребляются в киргизском, каракалпакском, узбекском и башкирском языках в том же значении, что и в казахском. В узбекском языке *чечан* имеет дополнительные значения – «искусный, ловкий, умелый», в тувинском *чечен* означает «красивый, изящный». В монгольском, бурято-монгольском и калмыцком языках слова *цэцэн*, *сэсэ(н)*, *ңэңэ* употребляются в значениях «мудрый, рассудительный, умный,

находчивый», а также «меткий стрелок, тот, кто попадает точно в цель». Эти значения слов *чечен*, *сэсэн* встречаются и в алтайском, якутском и тувинском языках. Слово *шешен* (чечен) может быть общим для тюркских и монгольских языков и образовано от корня *шеш* / *чеч* / *сэс* / *цэс* / *цэц* с аффиксом *-ен*» (Ыскаков, Сыздыкова, Сарыбаев, 1966: 222).

Правильность наблюдения учёных подтверждается результатами сравнительного анализа звучания и значений данного слова в различных языках. Рассмотрим подробнее отдельные варианты этой лексемы.

Слово *чечен* в тунгусо-маньчжурских языках алтайской группы сохранилось в формах *чэчэн*, *сэсэн*. В современных языках эвенков, эвенов, нанайцев, удэгейцев, ороков и ульчей формы *чэчэн* и *сэсэн* употребляются в следующих значениях: 1) Ум, разум; 2) гений, умный, толковый, разумный; 3) аккуратный, 4) трудолюбивый; 5) удалой (Цинциус, 1975: 422).

Похожие явления наблюдаются и в монгольском языке. Здесь данная лексема имеет значение «человек, говорящий избирательно и осмысленно, красноречивый». В древнемонгольском языке корень *seč-* // *čeč-* обозначал: 1. ум, рассудок, сообразительность; 2. искусный стрелок; 3. красноречивый, оратор (Базылхан, 1984: 700).

От корня *seč-* в монгольских языках образованы следующие формы: *sečen* // *čečen* → *сэцэн*, *цэцэн* «красноречивый, мудрый»; *sečelekü* → *сэцлэх* «говорить красноречиво, произносить речь»; *sečerküü* → *цэцэрхүү* «чрезмерно красноречивый, многословный»; *čečerheg* → *цэцэрхэг* «склонный к красноречию»; *sečele* → *сэцлэх* «состязаться в словах, демонстрировать ораторское мастерство»; *šeče* «меткость, попадание стрелы в цель, точность» (Словарь монгольских корневых слов, 1988: 1537–1538).

В современном монгольском языке сохранились словосочетания, в которых лексема *цэцэн* используется в значении «красноречивый, мудрый»: *цэцэн цэлмэн* – «очень красноречивый»; *цэцэн мэргэн* – «красноречивый, остроумный, искусный в слове»; *цэцэн үг* – «мудрое, красноречивое высказывание»; *цэцэн ухаантай хүн* – «мудрый, умный человек».

Несмотря на то, что современный монгольский язык претерпел значительные изменения, форма *цэцэн*, встречающаяся в древних источниках, сохранила свои лексико-фонетические особенности (Словарь монгольских корневых слов, 1988: 700–701). В языке бытуют и пословицы, отражающие традиционное понимание красноречия и мудрости: *Цэцэн үг цээжинд*, *цэцэг навч ууланд* «Мудрое слово – в умах, а цветок – в горах» (Цэвэл, 1966: 808–809).

В монгольских исторических источниках эпохи Чингисхана слово *чечен* фиксируется в различных фонетических вариантах. Ч. Валиханов отмечал, что в известных восточных письменных источниках предки Чингисхана Санан-сэчен и Цибибигай-сэчен упоминаются именно с этим эпитетом (Валиханов, 1985: 119).

В «Сокровенном сказании монголов» упоминается имя одного из предков Чингисхана – Тумбинай-сэчена (Сокровенное сказание монголов, 1979: 28). Известно также, что близкий друг, а впоследствии главный соперник Чингисхана Джамуха носил имя Джамуха-сэчен. В хронике «Золотого предания» встречается целая плеяда исторических личностей, в чьих именах употребляется эпитет сэчен: Тумбакай-сэчен, Ошур-сэчен, Шадана-сэчен, Менгету-сэчен, Садакши-сэчен, Гуа-сэчен, Куйлдар-сэчен, Кубылай-сэчен, Борыс-сэчен, Тамбанай-сэчен, Убалай-сэчен (Лувсанданзан, 2009: 224).

Слово *чечен* (сэсэн, сэчен, сээн, чечан и др.) встречается с незначительными фонетическими отличиями во многих тюркских языках. При этом его семантика сохраняет общие корни и смысловые параллели, хотя в каждом языке наблюдаются свои оттенки значения. Так, в телеутском языке, принадлежащем к алтайской ветви тюркских языков, слово *чечен* имеет значения: «аккуратный, опрятный, красноречивый» (Рюмина-Сыркашева, Кучигашева, 1995: 99).

В якутском языке это слово встречается в форме *сэһэн* и в зависимости от контекста может обозначать: 1) «устный рассказ, повествование, передаваемое из поколения в поколение; 2) предание, рассказ о старине; 3) долгая обстоятельная беседа, собеседование; 4) повесть (литера-

турный жанр); 5) мыслитель, философ» (БТСЯЯ, 2009: 606–608). Несмотря на многообразие значений, все они в определённой степени сохраняют семантическую связь с исходным смыслом слова чечен как обозначения носителя мудрости, знания и устного красноречия.

В узбекском языке, относящемся к карлукской группе тюркских языков, слово *cheshan* (чечан) имеет основное значение «красноречивый, оратор», а также дополнительные значения, связанные с мастерством и ловкостью: «искусный, умелый, ловкий» (Азизов, Ризаева, 1989: 185).

В языке уйгур, относящемся к карлукской группе, эта лексема произносится с незначительным фонетическим отличием *чечан* и, помимо общего для всех языков значения «красноречивый», приобретает дополнительный оттенок «чистоплотный» (Кибилова, Цунвазо, 1961: 216).

В алтайском, киргизском и казахском языках эта лексема закрепила в одном общем значении – «оратор», т. е. человек, мастерски владеющий словом. При этом произношение в алтайском и киргизском языках совпадает: *чечен*. «Чечен – оратор – тили чечен кизи (куучын айдып турган кизи)» (Чумакаев, 2015: 731). «Чечен – красноречивый, оратор» (Юдахин, 1985: 361).

В казахском языке наблюдается фонетическое изменение: вместо глухого согласного «ч» используется твёрдый шипящий звук «ш» – «шешен». Значение при этом сохраняется полностью – «оратор». «Шешен: 1) красноречивый человек, оратор» (Сыздыкова, 2008: 915).

В тувинском языке это слово имеет несколько значений: **чечен**: 1) красноречивый || красноречие; например, пословица «чечен менде, чечек черде» – «красноречие у меня – цветок на земле»; выражение «чечен кизи» – «красноречивый человек» (ср. *сөскур*); 2) в прямом и переносном смысле – меткий; например, «чечен боо» – «меткое ружьё»; 3. художественный; например, «чечен чогаал» – «художественное произведение», «чечен сөс бөлгүмү» – «кружок художественного слова», «чечен чууга» – а) образная речь; б) рассказ (Тенишев, 1968: 557). Разнообразие значений этой лексемы объясняется сохранением её древних семантических связей и функций.

Лексема встречается также в тюркских языках кипчакской группы – татарском и башкирском, где она обозначает «импровизатор» и «сказитель». Несмотря на некоторые фонетические различия, связь этих слов с лексемой «чечен» очевидна. В татарском языке: «чәчән» сущ. 1) народный певец, импровизатор; 2) сказитель (Ганиев, 2007: 726).

В башкирском языке: «сәсән» сущ. 1) импровизатор; 2) сказитель (Ураксин, 1996: 588).

Как показывают приведённые примеры, слово «чечен» с некоторыми фонетическими особенностями было общим для тюркско-монгольских языков, а также для финно-угорских и тунгусо-маньчжурских языков с древнейших времён. Этот процесс не только сохранился в степной цивилизации в результате расселения языков алтайской группы, но и приобрёл новые значения в соответствии с культурным и социальным взаимодействием различных сообществ.

Ритуальные посредники и история возникновения лексемы чечен

Следующий вопрос, заслуживающий особого внимания – это сохранение исходного значения «чечен» как обозначения «смекалки, ловкости» и одновременно «меткости, точного попадания» в языках многих народов алтайской группы. Лексема «чечен» изначально использовалась среди племён алтайской группы, чья профессиональная деятельность была связана с охотой, и возникла она как результат мировоззрения и верований этих сообществ. «В монгольском, бурятско-монгольском и калмыцком языках слова *қақән*, *сәсә(н)*, *ңәңә* имеют значения «мудрый, умный, находчивый», а также «меткий стрелок, точно попадающий в цель». Эти значения слов *чечен* и *сасан* встречаются также в языках алтайской группы, якутском и тувинском» (Ыскаков, Сыздыкова, Сарыбаев, 1966: 222).

В общинах, где основным источником существования была не планомерная хозяйственная деятельность – такая, как скотоводство или земледелие, а добывание пропитания из природы, где удача зависела от случая и везения, т. е. охота, особое значение приобрело чрезмерное упование на сверхъестественные силы, обращение к ним с мольбами и совершение действий

в соответствии с волей Верхнего мира. В подобных условиях – когда человек оказывался лицом к лицу с дикой природой, не имея запасов пищи и не будучи уверенным, доживёт ли до завтрашнего дня, обращение за помощью к таинственным силам, стремление снискать их милость имело жизненно важное значение.

Как отмечают Ш. В. Монгуш, Е. М. Куулар, «придя в тайгу на место охоты, они первым делом, зажигают костер и варят сүттүг шай ‘чай с молоком и солью’, а затем совершают чажыг ‘подношения’ тайга-танды ээзинге ‘хозяину тайги – духа’ и произносят аңчының чалбарыы ‘благопожелание охотника’, в котором просят у него помощи при охоте (Потапов, 1960: 59): *Алдын таңдымдан колданып, / Диленип келдим / Аъттандым, толандым / Аар боомну чуьктеп алгаш / Ая-дузаам дергилеп алгаш, / Кара хаяның баарында / Кара казандымыны / Паштанып алгаш, / Аастыг амытан амзаваан / Аьш-чемим дээжизин / Өргүп тур мен / Эринниг амытан эңгивээн, / Эм-таң болган / Шайым чажып тур мен / Аңнап-меңнеп келдим / Аң-мең аайлыг болзун* (Монгуш, 1990: 99) ‘Используя всё заранее приготовленное / Собравшись в путь, я отправился / Оседлав коня, облачился в доспехи / Первый раз расправив тёмное седло / Первый раз расправив стремяна / У подножия чёрной скалы / Чёрный свой котёл / Впервые укрепил над огнём / Испив первую ложку густого бульона / Благодарю богов / Отпив глоток чая для уст / Что делает сердце крепким, / Я окреп, и силы во мне заиграли / Продолжая путь, вслушиваясь в мир / Пусть моё путешествие будет благополучным’¹.

Это не простые слова, а формула-заклинание, ритмично сформулированный сакральный риторический текст. Поэтому обращение к таким «духовным посредникам», способным выполнять сверхважную функцию, стало необходимостью. При этом такой ритуал мог проводить лишь особый, «необычный» и неординарный человек – профессионал, наделённый способностью получать вести из мира невидимого, а его слово, подобно выпущенной стреле, должно было попадать точно в цель.

Значение слово *чечен* (*шешен*) как «меткий стрелок», встречающееся во многих языках, связано не только с важностью охоты, но и с верой в силу слова. Иными словами, произнесённое слово не должно было «улететь в пустоту», а должно было точно достичь адресата – духов леса, воды, гор, земли, воздействуя на них. Именно этим объясняется семантическая близость слов «мерген» («стрелок») и *чечен* (*шешен*) и сохранение этого значения в ряде языков.

Учёный Е. Турсунов, опираясь на научные источники, посвящённые фольклору сибирских народов, делает следующий вывод о людях, обладающих особыми способностями, которые служили посредниками между миром людей и миром тайн, а также о совершаемых ими ритуалах: «Одной из причин долгого сохранения института посредников среди охотников была вера в то, что духи-хозяева местностей, как и все духи в целом, любят слушать музыку и сюжетные повествования. Понятно, что в основе этого представления лежало эстетическое наслаждение, которое испытывал первобытный человек, слушая музыку или развернутое повествование. Главной задачей посредников, которых брали с собой тюрко-монгольские охотники, было развлечение духов игрой на музыкальном инструменте и исполнением сюжетных фольклорных произведений с целью задобрить их и обеспечить удачную охоту тем, кто отправлялся на промысел. Эта функция характерна для посредников у многих народов, не полностью перешедших от присваивающего хозяйства к производящему» (Турсунов, 1999: 37). В данном контексте жизненные ресурсы общины не были стабильными, и процесс добычи пищи напрямую зависел от природы. В условиях охоты, полной случайностей, вера в сверхъестественное и опора на потусторонние силы становились особенно актуальными. Ведь ежедневное обеспечение пропитанием напрямую зависело от «неожиданных даров природы».

В мифологии алтайцев существовало представление как о трёх мирах Вселенной – небесный, земной и подземный, населённые духами-хозяевами, которые управляют жизнью на Земле.

¹ перевод К. Т. Жанузаковой

Небесный владыка, т. е. повелитель Верхнего мира – Ульгень, за шесть дней создаёт мир при помощи Ак Ене. Средний мир населяют духи людей, земли, огня, воды, леса, ветра и гор. Названия этих духов созвучны с именами у всех тюркских народов, они звучат так: Дух-хозяин Алтая – Алтай ээзи; Дух-хозяин земли – Дьердин ээзи; Духи-хозяева гор – Туунын, кырдын ээзи; Земля-Вода – Дьер-Суу; Дух-хозяин воды – Суу ээзи (Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири, 1989).

Таких ритуальных посредников, способных своим волшебным напевом и выразительным словом очаровывать мир духов, хозяев зверей, птиц, земель и вод, передавать желания людей высшим таинственным силам, а также остроумных, метко попадающих в цель своим словом, в древности называли *чечен*.

В приведённом выше древнем алтайском мифе деятельность Дьяры точно отражает описанную функцию, а его конкретное обозначение как *чечен* подтверждает нашу гипотезу. Таким образом, первоначальное значение слова *чечен* заключалось в обозначении духовного лица, способного передавать желания и нужды людей божествам лесов, гор, земли и воды, оказывать воздействие на «мир духов», получать их благословение, открывать охотникам путь и обеспечивать успех их походов.

В ранних формах алтайских языков *чечен*, *цэцэн*, *сэчен*, *сэхэн* со временем претерпели различные фонетические и семантические изменения, однако семантическая связь в корневой морфеме сохраняется в определённой степени. Сохранение такой связи можно объяснить общностью мышления, сходством быта и мировоззрения народов, тесно взаимодействовавших между собой. Как уже отмечалось, «ритуальные посредники» стремились с помощью музыки и слов добиться расположения духов и получить у них желаемое. Это явление отражается в мифах, легендах, пословицах и в устойчивых выражениях, в которых встречается лексема *чечен*.

Историко-сравнительный анализ образа и лексемы «чечен», её отражение в тюрко-монгольском фольклоре

Таким образом, можно предположить, что лексема «чечен» занимала значимое место в среде сибирских тюрко-монгольских племён, где в условиях интенсивных межэтнических контактов особое значение имела деятельность «духовного посредника», а ведущей формой жизнеобеспечения выступала охота. Изначально это обозначение применялось в охотничьей среде и со временем распространилось на другие сообщества, приобретая универсальный характер. В то же время в среде кочевых тюрков Центральной Азии, занимающихся скотоводством и земледелием, необходимости в таком общем универсальном ритуальном посреднике не было. Кочевые тюрки считали священными четыре вида домашнего скота и почитали их покровителей (Коньратбаев, 2004: 159). Функции таких персонажей, как Камбар-ата (покровитель лошадей), Ойсыл-Кара (покровитель верблюдов), Шекшек-ата (покровитель коз), Зенги-баба (покровитель коров) и Шопан-ата (покровитель овец), встречающиеся в фольклоре кочевых тюрков, могут быть схожи с обязанностями чеченов (шешенов) охотничьих сообществ. Однако эти имена, в отличие от *чечен* (*шешен*), не являются общими обозначениями действия или функции, а связаны с конкретными личностями.

Использование слова *чечен* в языках тюрко-монгольских народов и его распространение прослеживается через несколько этапов. В одних случаях чечены появляются как мифологические персонажи, в других – как реальные люди. В охотничьих обществах они выступают как особые духовные фигуры, обладающие связью с Высшим миром. При этом чем древнее фольклорное произведение, тем ярче проявляется чудесная (сверхъестественная) и божественная природа персонажа *чечена*. В самых ранних мифах они выполняют роль посланника между Небом и Землёй. В более поздние эпохи, в эпосах и сказках, усиливается человеческая природа этих персонажей, проявляется их земное, человеческое начало. Явно этот процесс можно наблюдать на примере образов *чечена* и *сэхэна* в фольклоре алтайцев, тувинцев и якутов.

Древнейший фольклорный персонаж, связанный с лексемой «чечен», Дьяра чечен или Яра-Чечен из алтайской мифологии, выступает как специальный посланник Ульгения, следящий за тем, чтобы люди и животные на Земле не размножались чрезмерно, и определяющий каждому срок жизни (Вербицкий, 2005: 98). В данном случае Дьяра чечен – чисто мифологический персонаж, посланник Ульгения. Время и пространство, описанные в мифе, относятся к очень ранней эпохе, когда «смерть ещё не была известна», т. е. к «времени, когда только создавались люди и животные». Здесь *чечен* выступает одним из ключевых персонажей первобытной эпохи, с чётко обозначенной функцией.

Другой *чечен* или *сэсэн* (*сэһэн*) представлен в образе Сээркээн Сэсэн – персонажа якутского эпоса «Олонхо». П. А. Ойунский в монографической статье «Якутская сказка (Олонхо), её сюжет и содержание» отмечает, что в якутском эпосе Сээркээн Сэсэн выполняет две функции. Во-первых, он является предсказателем будущего, мудрым старцем, дающим советы и наставления героям. Во-вторых, Сээркээн Сэсэн – первый исполнитель якутских олонхо-эпосов (Ойунский, 1962: 193). В якутском фольклоре лексема *сэсэн* изначально обозначала «провидец», а в данном контексте она также явно проявляется как «ритуальный посредник» – мастер словесного искусства и красноречивый оратор.

М. Т. Сатанар, исследуя источники, касающиеся темы, характеризует Сээркээн Сэсэна следующим образом: «Местом обитания мифологического образа Сээркээн Сэсэна является периферия жилого эпического пространства – север. Наблюдается устойчивая связь образа с водой, лесом, деревом или его фрагментом (пнем), Нижним миром» (Сатанар, 2022: 60–61).

Как мы уже отметили выше, это – существо, полностью слитое с природой, способное находить общий язык с лесом, водой, горами и камнями. Сравнивая описанные в различных произведениях его качества, М. Т. Сатанар выделяет общие черты, присущие Сээркээн Сэсэну: «Обобщая все вышеизложенное, можно резюмировать, что семантические признаки, свойственные образу, отличаясь незначительной вариативностью, образуют целостное представление о Сээркээн Сэсэне. Эпитеты характеризуют его образ по внешним данным – белая, длинная, трясущаяся борода, седая голова, клочок волос, невеличка (имеется в виду рост); по статусу – господин, князь; по характеру – хитрец, красноречивец, говорун; по месту обитания – окно земли; по возрасту – старик, старец; по происхождению – небожитель» (Сатанар, 2022: 56).

Хотя этот образ и описывается как «небожитель», его внешность, социальный статус, характер и возрастные особенности по сравнению с Дьяра Чеченом выглядят значительно более человеческими. При этом все его одежды сшиты из беличьих шкур, что указывает на сохранение связи с охотничьим промыслом.

Следующий фольклорный сюжет с использованием лексемы *чечен* встречается в тувинской сказке «Чечен Маанай, Тенек-Дулун». На русском языке лексема *чечен* заменена и буквально переведена как «Умный Маанай»:

Чечен Маанай уулу. Оозу какпа-дузак салып, өрге-куске, койгун-тоолай, балык-байлаң өлүрүп эккээр, кырган иези чээрген чыып, кара- боразын хайындырар, Тенек-Дулун чүнү-даа кылып билбес, чүк-ле ойнаар мындыг чүве тур эвеспе – ‘Старший – умный Маанай ставил капканы, силки и убивал-приносил сусликов-пищух, зайцев-кроликов, рыб-пескарей; старая мать хворост собирала, простую-нехитрую еду варила, а глупый Дулун ничего не умел делать, только играл – вот как было’ (Тувинские народные сказки, 1994: 324–325).

В сказке Чечен Маанай не только простой охотник, ставивший силки и капканы на зверьков, но и имеет связь с духом Земли, чувствует ценность даров Природы: *Акызы ону дыңнааш, ажынып-хорадап: Оранның берген улуг өртектиг чүвезин чорудупкан тур сен. Ам андыг чүве чытса соп алгаи чежер чоор – деп-тир* – ‘Услышав это, старший брат рассердился: Ты отпустил очень ценное, дарованное [этой] земель. Но теперь такого чтоб не было: убей, потом и развязывай! – говорит’ (Тувинские народные сказки, 1994: 326–327).

В сказке Чечен Маанай предстает как обычный человек, занимающийся охотой. В сюжете произведения и в действиях других персонажей отсутствуют фантастические или «сверхъестественные» элементы. Вместе с тем, Чечен Маанай является фольклорным персонажем, рожденным народной фантазией. В этом случае лексема *чечен* теряет свои сакральные свойства. Исходя из этого, можно предположить, что сказка относится к более позднему периоду.

Монгольский язык является одним из тех, где лексема «чечен» встречается особенно часто. Учёный Н. Базылхан отмечает, что в XII–XIII вв. у тюрко-монгольских племен наблюдается употребление *sečen* > сэчэн – «чечен», *sečet* > сэчэд – «чечены» как официальных титулов. Например, в «Сокровенном сказании монголов» упоминаются представители различных племен: тайшуит *Tumbinai-Sečen* > Тумбинай сэчен, конират *Dai-sečen* > Дай (великий) сэчен, мангыт *Quyildar-Sečen* > Құйылдар сэчен (Монгольские источники по истории Казахстана, 2006: 71; 77; 95].

Кроме того, широко употребляемое название «цэцэн» сохраняется в топонимических и ономастических источниках, связанных с языковыми и этнографическими представлениями народов, населяющих эти земли. На западе Монголии существует местность с названием Цэцэн-Уул. Ханский аймак в северо-восточной Монголии, одна из четырёх административных областей называлась Цэцэн (Брокгауз, Ефрон, 1905: 135).

Главная особенность здесь заключается в том, что все лица, к которым применяется лексема *чечен*, являются историческими персонажами. *Чечен* в монгольских источниках полностью утратил мифологические и фольклорные черты, прообразы были реальными людьми. *Чечены* (*сэчены*) этого периода отличались красноречием, даром предвидения и способностью вести за собой людей, обладая чертами предводителя и вождя.

Это можно увидеть на примере Дая (Дэй) сэчена, отца любимой жены Чингисхана Бортэ и вождя племени хонгирадов, который также обладал даром красноречия и предвидения. В «Сокровенном сказании монголов» приводится следующий эпизод:

«61. К девяти годам Темужина, Есухэй-батыр привёл его к родственникам матери Оолун из племени олхуноуд, чтобы сватать невесту от родственников по матери. По пути между землями Цэгцэр и Чихурту они встретили Дэя сэчена из племени хонгирадов.

62. Дэй сэчен сказал: «Есухэй, куда вы направляетесь?» На что Есухэй-батыр ответил: «Мой сын едет к родственникам по матери из рода олхуноуд, чтобы сватать невесту», – сказал он. Дэй сэчен заметил: «Глаза вашего сына полны огня, а лицо сияет светом».

63. «Есухэй, прошлой ночью мне приснился сон. В нём белый сокол, обхвативший Луну и Солнце, сел мне на руку. Мы сами видели Луну и Солнце, но чтобы белый сокол принёс их и посадил мне на руку – каково это чудо! Что за благоприятное событие грядёт!», – сказал он другим. «Есухэй, что вы привели своего сына, должно быть, исполнение моего сна. Дух племени хиад явился мне во сне» (Сокровенное сказание монголов, 1979: 30-31). Здесь Дэй сэчен также является предсказателем будущего, мудрым красноречивым старцем, дающим советы и наставления героям, но в то же время он – историческая личность.

Во время военных походов Чингисхана и процессов взаимодействия тюрко-монгольских племен слово «чечен» вошло в употребление среди тюркских народов Центральной Азии. В «Дивани лугат» Махмуда аль-Кашгари, который в XI веке тщательно фиксировал каждое тюркское слово, ранги и титулы, имена людей, лексема в формах «чечен», «сэсэн», «шешен» отсутствует. Невозможно объяснить это тем, что «оно могло ускользнуть от внимания ученого», т. к. в словаре присутствует множество слов, связанных с устной речью и ораторством, но именно форма *чечен* или *шешен* нигде не упоминаются.

Для передачи значения «остроумный, красноречивый» тюрки использовали выражение «силик ер» (Махмуд аль-Кашкари, 2005: 369]. Понятие «поэт, музыкант» передавалось словом «йирағу» (Махмуд аль-Кашкари, 2005: 768) в значении «жырау», а «умный, образованный» – словом «билка» (Махмуд аль-Кашкари, 2005: 402). Приводится также пословица «Козленок

– без достойной кости, подросток – без опыта» (*уғлақ йиликсиз, уғлан биликсиз*)» (Махмуд аль-Кашгари, 2005: 147).

Для обозначения понятия «мерген» в ранних тюркских источниках использовалось словосочетание «атум ер». Поскольку в XI в. Махмуд аль-Кашгари, как сам констатировал, тщательно фиксировал все тюркские народы – туркмен, кипчаков, огузов – и собирал сведения о них, можно сделать вывод, что слова «чечен» и «шешен» в этих сообществах в XI в. не употреблялись. Среди потомков огузов – сельджуков, османских турок и азербайджанцев, переселившихся в XI в. в Малую Азию, лексема *чечен* в современном языке не фиксируется.

Название *чечен* проникло в тюркские языки Центральной Азии лишь XIII–XIV вв. вместе с тюрко-монгольскими войсками Чингисхана. В истории ораторского искусства среднеазиатских тюркских народов встречается известный народный герой – *Жиренше-шешен*. У казахов, киргизов, узбеков, башкир употребление слова «шешен» («красноречивый», «оратор») как определения, добавляемого к имени человека, начинается именно с Жиренше. В фольклор тюркоязычных народов Центральной Азии название *чечен* вошло через образ Жиренше. В казахском и каракалпакском фольклоре встречается Жиренше-шешен, у киргизов – Жээрэнче чечен, у туркмен – умный и находчивый Ийкрэнче, у башкир – Еренсе сэсэн.

Это заслуживает внимания и требует специального исследования как важный теоретический вопрос. Дело в том, что термин «шешен», не встречавшийся у степных тюрков ранее, начиная с XIV в. стал употребляться как символ находчивости, красноречия и мудрости и стал неотъемлемой частью имени народного героя.

Первое полноценное письменное упоминание о Жиренше содержится в труде Ч. Валиханова «Казахская родословная». Ч. Валиханов пишет: «У Аз-Жанибека был мудрый, сведущий, красноречивый бий – Жиренше-шешен. Крылатых слов, которые в народе приписываются Жиренше-шешену, среди казахов очень много. То, что имя Жиренше стало в народе символом находчивости и красноречия, и то, что имена Жанибек-хана и Жиренше-шешена всегда упоминаются вместе, вероятно, не случайно» (Валиханов, 1985: 119).

В киргизском устном народном творчестве также встречаются Жээрэнче-чечен и хан Жаныбек. О них пишется так: «Хан Жаныбек сказал Жээрэнче: “Может ли от хорошего родиться плохой?”. Тогда Жээрэнче ответил: “От хорошего плохой не рождается!”» (Капалбаев, 2015: 101).

Во всех преданиях и фольклорных материалах рядом с именем Жиренше упоминается Жанибек. Историки пришли к общему мнению, что речь идет об Аз-Жанибеке – сыне Узбек-хана, который занимал трон Золотой Орды в 1342–1357 годах (Ерофеева, 2021: 152). Следовательно, Жанибек родился в середине XIV века, и Жиренше был его современником.

В XVII в. в «Родословное древо тюрков» Абулгази пишет: «Слово “шешен” означает “умный”. Арабы говорят – “акылды”, таджики – “бахиред”, узбеки – “шешен”. В наше время “шешен” употребляется для обозначения человека, который умеет хорошо говорить; вероятно, это тоже значит “умный”. Если же у человека нет ума, что он сможет говорить?» (Абулгази, 2006: 57).

Подобные мысли на эту тему открыто выражены и у Ч. Валиханова: «Слово “шешен”, употребляемое казахами, по своему происхождению означает “мудрый, умный”. Это древнее монгольское слово, которое в ранние времена использовалось с тем же значением, что и у современных казахов, лишь с небольшими фонетическими изменениями. Северные монголы – халха – также произносят его как *соцен, сэцэнь*» (Валиханов, 1985: 119).

Таким образом, Ч. Валиханов, владея несколькими языками, хорошо понимая закономерности их изменения и собирая древние исторические памятники, точно указывает происхождение и семантическое содержание слова «шешен». Кроме того, ученый, знакомый с историей кочевой цивилизации и термином «монгол» как общим названием народа, специально подчеркивает важность замечания о том, что это слово является «древним монгольским».

Таблица 1

Распространение и семантическая эволюция лексемы «чечен» в тюркских и других языках

№	Язык	Классификация	Звучание	Значение	Источник
1	Марийский язык	Волжская группа финно-угорских языков	<i>чечен</i>	красивый, прекрасный, хороший	(Двинянинов, 2005: 684)
2	Монгольский язык	Северомонгольская группа монгольской семьи языков	<i>sečen // ċečen → cэцэн, цэ-цэн ċeče</i>	1) красноречивый; 2) мудрый; 3) меткость, попадание стрелы в цель, точность	(Словарь монгольских корней слов, 1988: 1537–1538)
3	Бурятский язык	Центральномонгольская подгруппа монгольской семьи языков	<i>сэсэн, сэһэн, сэсэ-мэргэн</i>	1) мудрый; 2) меткий; 3) разумный	(БМРС, 1951: 418)
4	Эвенк, эвен, нанай, удэгей, орок и ульчейские языки	Тунгусо-маньчжурские языки	<i>чэчэн, сэ-чэн</i>	1) ум, разум; 2) гений, умный, толковый, разумный; 3) аккуратный, 4) трудолюбивый; 5) удалой	(Цинциус, 1975: 422)
5	Телеутский язык	Южно-алтайская подгруппа центрально-восточной группы тюркской семьи	<i>чечен</i>	1) аккуратный; 2) опрятный; 3) красноречивый	(Рюмина-Сыркашева, Кучигашева, 1995: 99)
6	Якутский язык	Северо-восточная подгруппа тюркской семьи языков	<i>сэһэн</i>	1) устный рассказ, повествование; 2) предание, рассказ о старине; 3) долгая обстоятельная беседа, собеседование; 4) повесть (литературный жанр); 5) мыслитель, философ	(БТСЯЯ, 2009: 606–608)
7	Тувинский язык	Саянская группа тюркских языков	<i>чечен:</i>	1) красноречивый; 2) меткий; 3) художественный	(Тенишев, 1968: 557)
8	Алтайский язык	Кыргызско-кыпчакская группа тюркской семьи языков	<i>чечен</i>	оратор	(РАС, 2015: 731)
9	Шорский язык	Северо-восточная подгруппа тюркской семьи языков	<i>шечен</i>	мастер, умелец	(Шаховцов, Пушкин, Функ, 2021)
10	Узбекский язык	Карлукская группа тюркских языков	<i>chechan (чечан)</i>	1) красноречивый, оратор; 2) искусный, умелый, ловкий	(Азизов, Ризаева, 1989: 185)
11	Уйгурский язык	Карлукская группа тюркских языков	<i>чечан (чечэн)</i>	1) красноречивый; 2) чистоплотный	(Кибирова, Цунвазо, 1961: 216)
12	Киргизский язык	Кыргызско-кыпчакская группа тюркской семьи языков	<i>чечен</i>	красноречивый, оратор	(Юдахин, 1985: 361)

13	Казахский язык	Кыпчакская группа тюркских языков	<i>шешен</i>	красноречивый человек, оратор	(Ыскаков, Сыздыкова, Сарыбаев, 1966: 915)
14	Татарский язык	Кыпчакская группа тюркских языков	<i>чәчән</i>	1) народный певец, импровизатор; 2) сказитель	(Ганиев, 2007: 726)
15	Башкирский язык	Кыпчакская группа тюркских языков	<i>сәсән</i>	1) импровизатор; 2) сказитель	(Ураксин, 1996: 588)
16	Ногайский язык	Кыпчакская группа тюркских языков	<i>шешен</i>	красноречивый	(Баскаков, 1963: 411)

В процессе отделения алтайской группы и формирования тюркских племён в качестве отдельных общин это слово сохранилось во многих тюркских языках с некоторыми фонетическими изменениями. В разных языках оно встречается в формах «чечен», «сесен», «сасан», «сэһэн», «шешен», «чечан», «чәчән» и т. д., а в алтайском, якутском, шорском, тувинском, хакасском, киргизском, узбекском, уйгурском, татарском языках используется не только в основном значении, но и как обозначение особых качеств человека.

В современном башкирском языке, например, так называют народного поэта-импровизатора – «сэсэн». В киргизском языке «чечен» совпадает по значению с казахским «шешен»: *Сулуунун көркү көзүндө, чечендин көркү сөзүндө* – ‘Красота девушки в глазах, красота оратора в слове’. В тувинском языке слово «чечен» также ясно обозначает ораторское мастерство: «чечен менде, чечек черде» – «ораторство у меня, цветок на земле», «чечен кижии» – «шешен человек». Кроме того, в тувинском языке оно может означать «красивый, художественный» («чечен чогаал» – «произведение искусства») и «меткий, точный» («чечен боо» – «меткое ружьё»).

В татарском языке «чәчән» отличается лишь незначительно в произношении, но по значению совпадает (Ганиев, 2007: 726). В уйгурском языке к основному значению добавляется «тело безупречно чистое» (Кибирова, Цунвазо, 1961: 216). В современном узбекском языке «чечан» означает «умелый, красноречивый человек», сохраняя при этом древние дополнительные значения «садовник» и «исключительно меткий стрелок» (Азизов, Ризаева, 1989: 185).

Таким образом, красивая и выразительная речь, красноречие рассматривается как искусство, создающее особый художественный образ, что тесно связано с пониманием «шешен» в лексических и культурных традициях.

Слово «чечен» как определение, вместе с именами людей употреблялось у казахов до конца XIX в. Известные *шешены* выступали в качестве медиатора, основного организатора суда биев и юриста, осуществляющего степное право. Они были хранителями закона и морали. Имена и риторические тексты таких шешенов, как Байдалы, Болтирик, Бике, Досбол, Жангутты, Канай, остались в памяти народа. Они выделялись тонким находчивым умом, справедливостью и беспристрастием. Ораторское искусство считалось самым необходимым качеством для получения звания народного судьи – *бия*.

В современном Башкортостане термин «сэсэн» сохраняется как обозначение традиционного народного сказителя и носителя устно-поэтической традиции. В 1944 г. звание «Народный сэсэн Башкирской АССР» было учреждено Указом Президиума Верховного Совета БАССР. Эта традиция берет начало у древних сэсэнов, таких как Катай Гали сэсэн, Турумтай сэсэн, Суюндук сэсэн, Кильдыш сэсэн, Эммет сэсэн, Каракай сэсэн, Яхья сэсэн, и продолжает развиваться в творчестве современных деятелей культуры Р. Султангареевой, В. Кулумбетова и др.

Заключение

В разных тюркских и монгольских языках слово *чечен* встречается в формах *шешен*, *цецен*, *сесен*, *сэсэн*, *сэһэн*, *шечан*. В результате сравнительного анализа установлено, что их семантическая связь не прерывалась с первоначального значения и сохранялась на протяжении времени. Во всех языках смысл слова обозначал сверхъестественную сущность чечена.

Подводя итог, можно сказать, что слово «чечен» возникло среди охотничьих общин Сибири из профессионально-обрядовой необходимости и затем распространилось в языках соседних народов. Изначально оно обозначало «особое существо, ритуальный посредник, связующее людей и мир сверхестественных сил (мир духов)». В последующие эпохи это слово использовалось вместе с именами людей, как эпитет, например, жрец, жырау-акын, сал и сэрэ, би обозначая мудрость, ораторство, рассудительность и социальный статус человека, выделяя его среди других.

Со временем оно частично проникло в языки финно-угорских и тунгусо-маньчжурских народов, а также монголо-тюркских народов, относящихся к уральским и алтайским группам, претерпев некоторые смысловые и звуковые изменения, способствуя появлению множества производных слов. Например, в марийском языке «чечен» сохранило значение «красивый, замечательный, прекрасный». В монгольском, бурятском, калмыцком языках формы «цэцэн», «кэкэн», «сэсэ(н)», «ңэңэ» означают «мудрый, проницательный, умный, находчивый», «стрелок», «попадающий точно в цель», «оратор, выбирающий слова тщательно». В тувинском языке *чечен* означает «красивый, художественный» и «стрелок», в алтайском, казахском и киргизском языках – «оратор», в татарском и башкирском – «поэт-импровизатор», в телеутском и уйгурском – «аккуратный и чистоплотный», а в узбекском языке *чечан* обозначает «умело говорящий» и «искусный в любом деле».

Анализ примеров в разных языках показывает, что формы *чечен*, *шешен*, *сэсэн*, *цецен* не ограничиваются одной конкретной чертой человека, такой как красноречие, меткость или красота. Изначально это было универсальное слово, объединяющее множество качеств и являющееся общим обозначением особой личности. Все эти значения сходятся в одном: *чечен*, *шешен*, *сэсэн*, *цецен* – это человек необыкновенный, отличающийся от остальных, обладающий особыми качествами. Эти качества могут проявляться в разных формах: красноречие, меткость, аккуратность, красота, мудрость. И именно эта совокупность черт и выделяла человека, называемого *чечен*. Поэтому в одном языке это слово сохранило значение «стрелок», в другом – «сильный», «красивый», «аккуратный». Общая семантика слова сводится к понятию «особый, исключительный человек, выделяющийся среди других».

Литература

1. Абулгази, 2006 – Абулгази. *Түрік шежіресі. Родословное древо тюрков*. Алматы: Ана тілі; 2006. 112 с. (на казахском яз.)
2. Айыжы, Монгуш, 2020 – Айыжы Е.В., Монгуш А.М. *Охотничьи традиции тувинцев: этнографический аспект*. *Oriental Studies*. 2020; 13(5):1359–1370. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370>
3. Азизов, Ризаева, 1989 – Азизов О., Ризаева З. *Узбекско-русский словарь*. Ташкент: Укитувчи; 1989. 288 с.
4. Базылхан, 1984 – Базылхан Б. *Монгол-казах толь = Монгольско-казахский словарь*. Улаанбаатар-Өлгий; 1984. 885 с.
5. Баскаков, 1963 – Баскаков Н.А. (ред.) *Ногайско-русский словарь*. М.: ГИИНС; 1963. 562 с.
6. БТСЯЯ, 2009 – Слепцов П.А. (ред.) *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта*: в 15 т. Т. 9. Новосибирск: Наука, 2009. 668 с.
7. Брокгауз, Ефрон, 1905 – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. *Энциклопедический словарь*: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). Т. 75. СПб.; 1905. 135 с.
8. БМРС, 1951 – Цыдендамбаева Ц.Б., Черемисов К.М. (ред.) *Бурят-монгольско-русский словарь*. М.: ГИИНС; 1951. 852 с.
9. Валиханов, 1985 – Валиханов Ш. *Избранные произведения*. Алматы: Писатель; 1985. 557 с.
10. Вербицкий, 2005 – Вербицкий В.И. *Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований*. М.: Ленанд; 2005. 221 с.

11. Владимирцов, 1923 – Владимирцов Б.Я. *Монголо-ойратский героический эпос*. М.: Госиздат; 1923. 256 с.
12. Ганиев, 2007 – Ганиев Ф.А. (ред.) *Татарско-русский словарь*: 56000 слов: в 2-х т. Т. 2. Казань: Магариф; 2007. 1452 с.
13. Двинянинов, 2005 – Двинянинов М.Т. (ред.) *Словарь марийского языка*: в 10 т. Т. 10. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во; 2005. 670 с.
14. Дыренкова, 1940 – Дыренкова Н.П. *Шорский фольклор*. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1940. 448 с.
15. Ерофеева, 2021 – Ерофеева И.В. «Добрый» или «святой» Джанибек-хан (1342–1357) в устной исторической памяти кочевников-казахов. *Золотоордынское обозрение*. 2021, 9(1), С. 149–165. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-1.149-165>
16. Зеленин, 1934 – Зеленин Д. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок. В кн.: *Сергею Фёдоровичу Ольденбургу (к пятидесятилетию научно-общественной деятельности)*. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1934. С. 215–240.
17. Калзан, 1961 – Калзан А.О. О тувинском фольклоре. В кн.: *Основные проблемы изучения поэтического творчества народов Сибири и Дальнего Востока*. Улан-Удэ: [б. и.], 1961. С. 72–78.
18. Капалбаев, 2015 – Капалбаев О.Э. *Ораторское искусство киргизского народа*. Бишкек: Бийиктик плус, 2015. 352 с.
19. Кибирова, Цунвазо, 1961 – Кибирова Ш., Цунвазо Ю. (ред.) *Уйгурско-русский словарь*: 16000 слов / с прил. краткого грамматического очерка уйгурского языка, составленного А. Кайдаровым. Алма-Ата: Изд-во Академии Наук Казахской ССР, 1961. 328 с.
20. Кобыратбаев, 2004 – Кобыратбаев А.К. *Көп томдық шығармалар жинағы*: 10 т. Т. 1. Фольклортану мәселелері = *Собрание сочинений*: в 10 т. Т. 1. Проблемы фольклора. Алматы: МерСал, 2004. 554 с. (на казахском яз.)
21. Лувсанданзан, 2009 – Лувсанданзан. *Алтын шежіре: шыңғыс хан қазанатының, көне түркі-моңғол тайпаларының тарихы = Золотое сказание*. 2-е изд. / пер. с монг. А. Мауқараұлы. Алматы: Өнер, 2009. 224 с. (на казахском яз.)
22. Махмуд аль-Кашгари, 2005 – Махмуд аль-Кашгари. *Диван Лугат ат-Турк*. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
23. Монгольские источники по истории Казахстана, 2006 – Абусейитова М., Базылхан Б. (ред.) *Монгольские источники по истории Казахстана = Қазақстан тарихы туралы моңғол деректемелері*. Т. 1. Алматы: Дайк-Пресс; 2006. 400 с. (на казахском яз.)
24. Монгуш, 2025 – Монгуш Ш.В., Куулар Е.М. Тувинский фольклор и литература о промысловой охоте тувинцев. *Новые исследования Тувы*. 2025, 3, С. 55–68. <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.4>
25. Монгуш Д.А., 1990 – Монгуш Д.А. (ред.) *Тыва улустун алгыш-йөрээлдері = Тувинские благопожелания*. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1990. 160 с. (на тувинском яз.)
26. Ойунский, 1962 – Ойунский П.А. Якутская сказка (Олонхо), её сюжет и содержание. В кн.: Ойунский П.А. *Собрание сочинений*. Т. 7. Якутск: Кн. изд-во, 1962. С. 128–194.
27. Потапов, 1960 – Потапов Л.П. Материалы по этнографии тувинцев района Монгун-Тайги и Кара-Холя. В кн.: Потапов Л.П. (ред.) *Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР*. Т. 1. М.; Л.; 1960. С. 171–237.
28. РАС, 2015 – Чумакаева А.Э. (ред.) *Русско-алтайский словарь: в 2 т. Т. 1: (А–О)*. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2015. 800 с.
29. Рюмина-Сыркашева, 1995 – Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А. *Телеутско-русский словарь*. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1995. 120 с.
30. Сатанар, 2022 – Сатанар М.Т. Генезис образа Сээркэн Сэсэна в эпосе олонхо. *Проблемы исторической поэтики*. 2022, 20(3), С. 50–86. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.11262>. EDN: FRBOZW.
31. Сокровенное сказание монголов, 1979 – *Сокровенное сказание монголов = Монголдың құпия шежіресі* / пер. с монг. М.: Сүлтанияулы. Өлгий, 1979. 150 с. (на казахском яз.)
32. Словарь монгольских корневых слов, 1988 – *Словарь монгольских корневых слов = Sečenṣoṣti. Mongṡol ṡges-ṡn ṡjaṡur-un toli. Öbür mongṡul-un arad-un keblel-ṡn qoriṡ-a. Köke qota*; 1988. 2992 с. (на монгольском яз.)
33. Сыздыкова, 2008 – Сыздыкова Р.Г. (ред.) *Казахско-русский словарь*: около 50000 слов. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 962 с.

34. Тенишев, 1968 – Тенишев Э.Р. (ред.) *Тувинско-русский словарь*: 22000 слов. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.
35. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири, 1988 – Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С (ред.) *Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир*. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 226 с
36. Трояков, 1969 – Трояков П.А. Промысловая и магическая функция сказывания сказок у хакасов. *Советская этнография*. 1969, 2, С. 24–34.
37. Тувинские народные сказки, 1994 – Самдан З.Б. (ред.) *Тувинские народные сказки = Тыва улустун туолдары*. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма; 1994. 458 с. (на тувинском и рус. яз)
38. Турсунов, 1999 – Турсунов Е.Д. *Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау*. Астана: Фолиант, 1999. 252 с.
39. Ураксин, 1996 – Ураксин З.Г. (ред.) *Башикирско-русский словарь*: 32000 слов. М.: Дигора, Русский язык, 1996. 588 с.
40. Хангалов, 2004 – Хангалов М. *Собрание сочинений*: в 3 т. Т. 2. Улан-Удэ: Республиканская типография; 2004. 311 с.
41. Цинциус, 1975 – Цинциус В.И. (ред.) *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков*. Т. 2. Л.: Наука, 1975. 422 с.
42. Цэвэл, 1966 – Цэвэл Я. *Монгол хэлний товч тайлбар толь* = Краткий толковый словарь монгольского языка. Улаанбаатар, 1966. 912 с. (на монгольском яз.)
43. Шаховцов, Пушин, Функ, 2021 – Шаховцов К.Г., Пушин А.А., Функ Д.А. *Шорско-русский словарь*: 7000 слов. М.: ИЭА РА, 2021–2023.
44. Ыскаков, Сыздыкова, Сарыбаев, 1966 – Ыскаков А., Сыздыкова Р., Сарыбаев Ш. *Краткий этимологический словарь казахского языка*. Алма-Ата: Наука, 1966. 240 с.
45. Юдахин, 1985 – Юдахин К.К. *Киргизско-русский словарь*: 40000 слов: в 2 кн. Кн. 2 (Л–Я). Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985. 475 с.

References

1. Abulghazi, 2006 – Abulghazi. *Genealogical Tree of the Turks*. Almaty: Ana tili Publ.; 2006. 112 p. (in Kazakh)
2. Aiyizhy, Mongush, 2020 – Aiyizhy E.V., Mongush A.M. Hunting traditions of Tuvans: an ethnographic aspect. *Oriental Studies*. 2020, 13(5). pp. 1359–1370 (in Russian). <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370>.
3. Azizov, Rizaeva, 1989 – Azizov O., Rizaeva Z. *Uzbek-Russian Dictionary*. Tashkent: Ukituvchi Publ.; 1989. 288 p.
4. Bazylikhan, 1984 – Bazylikhan B. *Mongolian-Kazakh Dictionary*. Ulaanbaatar–Ölgii; 1984. 885 p.
5. Baskakov, 1963 – Baskakov NA. (ed.) *Nogai-Russian Dictionary*. Moscow: GIINS Publ.; 1963. 562 p.
6. LEDYL, 2009 – Sleptsov PA. (ed.). *Large Explanatory Dictionary of the Yakut Language*: in 15 vols. Vol. 9. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2009. 668 p.
7. Brokgauz, Efron, 1905 – Brokgauz FA., Efron IA. *Encyclopaedic Dictionary*: in 86 vols. (82 vols. and 4 suppl.). Vol. 75. Saint Petersburg, 1905. 135 p. (in Russian)
8. BMRD, 1951 – Cheremisov KM., Tsydendambaev TsB. (eds.) *Buryat-Mongolian-Russian Dictionary*. Moscow: GIINS Publ.; 1951. 852 p.
9. Valikhanov, 1985 – Valikhanov Sh. *Selected works*. Almaty: Pisatel' Publ.; 1985. 557 p. (in Russian)
10. Verbitskiy, 2005 – Verbitskiy VI. *Altai foreigners: A collection of ethnographic articles and studies*. Moscow: Lenand Publ.; 2005. 221 p. (in Russian)
11. Vladimirtsov, 1923 – Vladimirtsov BYa. *The Mongolian-Oirat heroic epic*. Moscow: Gosizdat Publ.; 1923. 256 p. (in Russian)
12. Ganiev, 2007 – Ganiev FA. (ed.) *Tatar-Russian Dictionary: 56,000 words*: in 2 vols. Vol. 2. Kazan: Magarif Publ.; 2007. 1452 p.
13. Dviniyaninov, 2005 – Dviniyaninov MT. (ed.) *Dictionary of the Mari Language*: in 10 vols. Vol. 10. Yoshkar-Ola: Mariy Book Publ. House; 2005. 670 p.

14. Dyrenkova, 1940 – Dyrenkova NP. *Shor folklore*. Moscow; Leningrad: Publ. House of the USSR Academy of Sciences; 1940. 448 p. (in Russian)
15. Erofeeva, 2021 – Erofeeva IV. “Good” or “holy” Janibek Khan (1342–1357) in the oral historical memory of the nomadic Kazakhs. *Golden Horde Review*. 2021, 9(1), pp. 149–165 (in Russian). <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-1.149-165>
16. Zelenin, 1934 – Zelenin D. Religious and magical function of folkloric tales. In: *To Sergei Fyodorovich Oldenburg: on the 50th anniversary of his scientific and public activity*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. House; 1934. pp. 215–240. (in Russian)
17. Kalzan, 1961 – Kalzan AO. On Tuvan folklore. In: *Main problems in the study of the poetic creativity of the peoples of Siberia and the Far East*. Ulan-Ude; 1961. pp. 72–78. (in Russian)
18. Kapalbaev, 2015 – Kapalbaev OE. *The oratory of the Kyrgyz people*. Bishkek: Biiyktik plyus Publ.; 2015. 352 p. (in Russian)
19. Kibirova, Tsunvazo, 1961 – Kibirova Sh., Tsunvazo Yu. (eds.) *Uyghur-Russian Dictionary: 16,000 words*. With a brief grammatical outline of the Uyghur language comp. by A. Kaidarov. Alma-Ata: Publ. House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR; 1961. 328 p. (in Russian)
20. Konyratbaev, 2004 – Konyratbaev AK. *Collected works: in 10 vols. Vol. 1. Problems of Folklore*. Almaty: MerSal Publ.; 2004. 554 p. (in Kazakh)
21. Luvsandanzhan, 2009 – Luvsandanzhan. *The Golden Chronicle: History of the Chinggis Khan Khanate and Ancient Turkic-Mongol tribes*. 2nd ed. Transl. from Mongolian by A. Maukaruly. Almaty: Oner Publ.; 2009. 224 p. (in Kazakh)
22. Makhmud al’-Kashgari, 2005 – Makhmud al’-Kashgari. *Divan Lugat at-Turk*. Almaty: Dayk-Press Publ.; 2005. 1288 p. (in Russian)
23. Mongol’skiye istochniki po istorii Kazakhstana, 2006 – Abuseyitova M., Bazykhan N. (ed.) *Mongolian Sources on the History of Kazakhstan*. Vol. 1. Almaty: Dayk-Press Publ.; 2006. 400 p. (in Kazakh)
24. Mongush, 2025 – Mongush ShV., Kuular EM. Tuvan folklore and literature on the hunting of Tuvans. *New Research of Tuva*. 2025, (3), pp. 55–68 (in Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.4>
25. Mongush, 1990 – Mongush DA. (ed.) *Tuvan blessings*. Kyzyl: Tuva Publ. House; 1990. 160 p. (in Tuvan)
26. Oyunskiy, 1962 – Oyunskiy PA. The Yakut tale (Olonkho), its plot and content. In: Oyunskiy PA. *Collected works*. Vol. 7. Yakutsk: Book Publ. House; 1962. pp. 128–194. (in Russian)
27. Potapov, 1960 – Potapov LP. Materials on the ethnography of Tuvans in the Mongun-Tayga and Kara-Khol’ regions. In: *Proceedings of the Tuvan complex archaeological-ethnographic expedition of the USSR Academy of Sciences*. Vol. 1. Moscow; Leningrad; 1960. pp. 171–237. (in Russian)
28. RAD, 2015 – Chumakayev AE. (ed.) *Russian-Altai Dictionary: in 2 vols. Vol. 1: (A–O)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya tipography; 2015. 800 p.
29. Ryumina-Syrkasheva, 1995 – Ryumina-Syrkasheva LT., Kuchigasheva NA. *Teleut-Russian Dictionary*. Kemerovo: Kemerovo Book Publ. House; 1995. 120 p.
30. Satanar, 2022 – Satanar MT. Genesis of the image of Seerken Sesen in the olonkho epic. *Problems of Historical Poetics*. 2022, 20(3), pp. 50–86 (in Russian). <https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.11262>
31. Sokrovennoye skazaniye mongolov, 1979 – *The Secret History of the Mongols*. Transl. from Mongolian by M. Sultaniyaully. Olgii; 1979. 150 p. (in Kazakh)
32. Slovar’ mongol’skikh korneykh slov, 1988 – *Dictionary of Mongolian Root Words*. Köke Qota: Öbür Mongyul-un Arad-un Keblel-ün Qoriy-a Publ.; 1988. 2992 p. (in Mongolian)
33. Syzdykova, 2008 – Syzdykova RG. (ed.) *Kazakh-Russian Dictionary: approximately 50,000 words*. Almaty: Dayk-Press Publ.; 2008. 962 p.
34. Tenishev, 1968 – Tenishev ER. (ed.) *Tuvan-Russian Dictionary: 22,000 words*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ.; 1968. 648 p.
35. Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov Yuzhnoy Sibiri, 1988 – Lvova EL., Oktyabr’skaya IV., Sagalaev AM., Usmanova MS. (eds.) *Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia: Space and time. The Material world*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1988. 226 p. (in Russian)
36. Troyakov, 1969 – Troyakov P.A. The productive and magical function of storytelling among the Khakas. *Soviet Ethnography*. 1969; 2:24–34. (In Russian)
37. Tuvinskiye narodnyye skazki, 1994 – Samdan ZB. (ed.) *Tuvan folk tales*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1994. 458 p. (in Tuvan and Russian)

38. Tursunov, 1999 – Tursunov ED. *The origin of baksy, akyns, seri, and zhyrau*. Astana: Foliant Publ.; 1999. 252 p. (in Russian)
39. Uraksin, 1996 – Uraksin ZG. (ed.) *Bashkir-Russian Dictionary*: 32,000 words. Moscow: Digora, Russkiy yazyk Publ.; 1996. 588 p.
40. Khangalov, 2004 – Khangalov M. *Collected works*: in 3 vols. Vol. 2. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya Publ.; 2004. 311 p. (In Russian)
41. Tsintsius, 1975 – Tsintsius VI. (ed.) *Comparative dictionary of Tungus-Manchu languages*. Vol. 2. Leningrad: Nauka Publ.; 1975. 422 p.
42. Tsevel, 1966 – Tsevel Ya. *Concise Explanatory Dictionary of the Mongolian language*. Ulaanbaatar; 1966. 912 p. (in Mongolian)
43. Shakhovtsov, Pushin, Funk, 2021 – Shakhovtsov KG., Pushin AA., Funk DA. *Shor-Russian Dictionary*: 7,000 words. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences Publ.; 2021–2023.
44. Yskakov, Syzdykova, Sarybaev, 1966 – Yskakov A., Syzdykova R., Sarybaev Sh. *Brief etymological dictionary of the Kazakh language*. Alma-Ata: Nauka Publ.; 1966. 240 p. (in Russian)
45. Yudakhin, 1985 – Yudakhin KK. *Kyrgyz-Russian Dictionary*: 40,000 words: in 2 books. Book 2 (L–Ya). Frunze: Main Editorial Office of the Kyrgyz Soviet Encyclopaedia; 1985. 475 p.

Об авторах

Ахетов Мамай Каниевич, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник, «Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова КН МОН РК», ORCID: 0000-0003-0231-2553, e-mail: mamayachet@mail.ru,

Жанузакова Куралай Темирбековна, доктор филологических наук, профессор, НАО «Казахский национальный женский педагогический университет», ORCID: 0000-0001-7170-8362, e-mail: kuralayzhanuzak@gmail.com.

About the author

Mamay K. Akhetov, Cand. Sci. (Philology), Chief Researcher, M. O. Auezov Institute of Literature and Art, ORCID: 0000-0003-0231-2553, e-mail: mamayachet@mail.ru.

Kuralay T. Zhanuzakova, Dr. Sci. (Philology), Professor, Kazakh National Women's Teacher Training University, ORCID: 0000-0001-7170-8362, e-mail: kuralayzhanuzak@gmail.com.

Вклад авторов / Authors' contribution

Ахетов М.К. – разработка концепции исследования, проведение исследования, создание черновика рукописи, редактирование рукописи

Жанузакова К.Т. – разработка концепции исследования, методология, проведение исследования, редактирование рукописи, руководство исследованием

Mamay K. Akhetov – conceptualization, investigation, writing – original draft, writing – review & editing

Kuralay T. Zhanuzakova – conceptualization, methodology, investigation, writing – review & editing, supervision

Конфликт интересов / Conflict of interests

Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 10.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 05.03.2026

Принята к публикации / Accepted 31.03.2026